

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

ДЕЛО ХОДЖАЕВА против РОССИИ

(Жалоба № 52466/08)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СУДА

СТРАСБУРГ

12 мая 2010 г.

Настоящее постановление суда является окончательным при условии действия обстоятельств, изложенных в Статье 44 § 2 Конвенции. Постановление может подвергаться редакционному пересмотру.

В деле Ходжаева против России,

Европейский Суд по Правам Человека (Первая секция), заседающий Палатой в составе:

Христоса Розакиса, *Председателя Палаты Суда,*

Нины Ваич,

Анатолия Ковлера,

Элизабет Штейнер,

Ханлара Гаджиева,

Дина Шпильманна,

Джорджио Малинверни, *судей*

а также при участии Серена Нильсена, *Секретаря Секции Суда,*

заседая за закрытыми дверями 22 апреля 2010 года,

вынес в тот же день следующее Постановление:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№52466/08), поданной против Российской Федерации в Суд 31 октября 2008 года в соответствии со Статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее «Конвенция») гражданином Таджикистана – г-ном Зикруллохоном Исматуллоевичем Ходжаевым (далее «заявитель»).

2. Интересы заявителя представлял г-н Д. Ломакин, адвокат, практикующий в г. Москве. Власти Российской Федерации были представлены уполномоченным Российской Федерации при Европейском Суде по правам человека г-ном Г. Матюшкиным.

3. 3 ноября 2008 года Председатель Первой Секции принял решение о применении Правила 39 Судебного Регламента, тем самым обязав Власти не выдавать заявителя Таджикистану без получения дополнительного уведомления.

4. 17 декабря 2008 года Председатель Первой Секции принял решение о применении Правила 41 Судебного Регламента, придать приоритет рассмотрению жалобы, а также уведомить о жалобе Власти. Он также принял решение одновременно рассмотреть жалобу по существу и по вопросу приемлемости (Статья 29 § 3).

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

5. Заявитель родился в 1977 году и проживает в г. Хунджанд, Таджикистан. В настоящее время он находится в г. Москве.

А. Сообщение заявителя по делу

1. Предыстория судебного дела

6. Заявитель исповедует ислам. Он утверждает, что он никогда не являлся членом каких-либо политических организаций, включая Хизб ут-Тахрир (далее – «ХТ»), исламскую организацию, запрещенную в **России**, Германии и некоторых республиках Центральной Африки, но, тем не менее, подвергался преследованию со стороны органов власти Таджикистана в связи с предполагаемым членством в этой организации.

7. По решению Министерства безопасности Таджикистана от 22 июня 2000 года против заявителя было возбуждено уголовное дело в связи с его членством в «незаконной экстремистской религиозной партии «Хизб ут-Тахрир». В решении утверждалось, что заявитель совершил серию тяжких и особо тяжких преступлений, а именно, подстрекательство к свержению политического режима в Таджикистане и распространение материалов, направленных на разжигание религиозной розни. В тот же день Министерство безопасности Таджикистана занесли заявителя в список лиц, находящихся в розыске, оформили ордер на его арест и приостановили расследование, так как местонахождение заявителя было неизвестно.

8. Заявитель бежал в Москву в 2001 году.

9. С 27 октября по 7 декабря 2001 года заявитель содержался под стражей в **России** в связи с его экстрадицией. Впоследствии он был освобожден из-под стражи, так как не было получено официального требования о его выдаче.

10. Заявитель зарегистрировался по месту жительства в **России** в соответствующих органах власти.

2. Судебное разбирательство по вопросу экстрадиции

11. 28 ноября 2007 года заявитель был задержан сотрудниками Московского отделения Федеральной службы безопасности и милицией Одинцовского района.

12. Утром 30 ноября 2007 года заявитель был допрошен без присутствия адвоката. Сотрудники, проводившие допрос, угрожали заявителю применением силы в отношении его и его семьи, если он добровольно не согласится уехать из **России** в Таджикистан. По словам заявителя, в ходе допроса ему не сообщили о причинах его задержания. Кроме этого, в течение последующих двух недель заключения под стражу ему не был предоставлен адвокат.

13. 30 ноября 2007 года Одинцовский городской суд Московской области («Городской суд») принял решение о заключении заявителя до стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу о его экстрадиции. Срок заключения под стражу установлен не был.

14. В период с 30 ноября 2007 года по 30 января 2008 заявитель содержался под стражей в учреждении предварительного заключения Одинцовского районного управления внутренних дел. Между тем, его жена была выслана в Таджикистан.

15. 21 декабря 2007 года Генеральный прокурор Таджикистана направил запрос о выдаче заявителя Генеральному прокурору **России** и приложил копию решения от 22 июня 2000 года по обвинению заявителя в членстве в запрещенной организации и копии ордеров на обыск и арест.

16. 4 июня 2008 года Заместитель генерального прокурора **России** выдал распоряжение о выдаче заявителя Таджикистану для привлечения к уголовной ответственности. В распоряжение было указано, что заявитель обвинялся в членстве в запрещенной религиозной экстремистской организации и распространении материалов, направленных на разжигание религиозной розни.

17. Заявитель оспорил распоряжение о выдаче в суде 4 июня 2008 года.

18. 22 августа 2008 года Московский городской суд утвердил распоряжение от 4 июня 2008 года. Суд пояснил, что не имелось никаких законных оснований, препятствующих выдаче заявителя Таджикистану, так как заявитель являлся гражданином Таджикистана, и его заявление о предоставлении политического убежища было отклонено. Утверждения заявителя о том, что он был невиновен в преступлениях, в совершении которых его обвиняли, были проверены и отклонены «на том основании, что вопросы фальсификации обвинений в его отношении правоохранительными органами Таджикистана не являлись предметом разбирательства в ходе судебного слушания». Далее суд заявил, что утверждения, касающиеся преследования по религиозным основаниям, не были подтверждены достоверными доказательствами, и постановил следующее:

«[Г-н] Ходжаев не имеет статус беженца в Российской Федерации, не преследовался и не преследуются на основании его расы, религии, гражданства, национальности или связи с определенной группой [и] не подавал заявления о предоставлении российского гражданства или политического убежища».

19. 28 октября 2008 года Верховный суд **России** рассмотрел апелляционную жалобу заявителя относительно постановления суда от 22 августа 2008 года и отклонил ее, дословно передав основания решения, вынесенного Московским городским судом.

3. Судебное разбирательство по вопросу предоставления убежища

20. 11 января 2008 года заявитель подал заявление о предоставлении политического убежища в Московское отделение Федеральной миграционной службы («ФМС города Москвы»).

21. 11 января 2008 года заявитель подал прошение о предоставлении защиты в Российское Управление Верховного Комиссара Организации Объединённых Наций по делам беженцев («УВКБ ООН»). Выяснилось, что в течение последующих месяцев персонал УВКБ ООН не допускали к заявителю.

22. 16 мая 2008 года ФМС города Москвы отказала в предоставлении заявителю политического убежища. День уведомления заявителя о принятом решении точно нигде не установлен.

23. Заявитель оспорил решение ФМС города Москвы в суде 16 мая 2008 года. В неуказанный день Замоскворецкий районный суд города Москвы отказал принять исковое заявление заявителя по причине неуплаты судебного сбора. Заявитель подал апелляционную жалобу.

24. 18 ноября 2008 года Московский городской суд отменил решение Замоскворецкого районного суда города Москвы и дал распоряжение о принятии искового заявления заявителя без уплаты судебного сбора. Выяснено, что судебное разбирательство о признании решения ФМС города Москвы недействительным, проводимое в Замоскворецком районном суде города Москвы, не закончено.

25. 26 ноября 2008 года персонал УВКБ ООН опросил заявителя.

В. Сообщение Властей по делу

1. Предыстория дела

26. 22 июня 2000 года следователь Министерства безопасности Таджикистана, получив разрешение прокурора, выдал ордер на арест заявителя.

27. В июле 2001 года заявитель нелегально проник на территорию **России** в поисках хорошо оплачиваемой работы. В течение следующих шести лет заявитель не подавал никаких заявлений о его регистрации в качестве временно проживающего в российские миграционные службы. Также он не подавал заявления о предоставлении убежища. У заявителя не было миграционной карты.

28. 27 октября 2001 года заявитель был задержан в городе Москве согласно Статье 61 Минской конвенции как лицо, занесенное список лиц, находящихся в международном розыске.

29. 7 декабря 2001 года заявитель был освобожден из-под стражи по причине отсутствия требования о его выдаче.

30. 19 февраля 2002 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила Генеральной прокуратуре России требование о выдаче заявителя.

31. 27 февраля 2002 года российская милиция получила приказ о розыске заявителя.

2. Судебное разбирательство по вопросу экстрадиции

32. 28 ноября 2007 года заявитель был задержан сотрудниками Федеральной службы безопасности и милиции.

33. В тот же день заявитель был допрошен должностным лицом Одинцовской прокуратуры. В письменном заявлении, подписанном заявителем, было указано, что заявитель бегло говорил по-русски и не нуждался в услугах переводчика. В заявлении указано следующее:

«... мне известно о том, что мое имя было внесено в список лиц, находящихся в розыске в Таджикистане. У меня нет никакой информации касательно уголовного преступления, в котором меня обвиняют в Таджикистане. Следственные документы из Таджикистана, которые мне были предоставлены, содержат мои личные данные, но я не совершал преступлений, которые в них указаны. У меня больше нет никаких сведений по существу уголовного дела, возбужденного против меня.

... Я не подвергался преследованию в Таджикистане по политическим мотивам. Я гражданин Таджикистана и не подавал никаких заявлений о предоставлении политического убежища или статуса беженца в какие-либо агентства, консульства, посольства или представительства».

34. 30 ноября 2007 года Городской суд провел слушание дела и рассмотрел запрос Одинцовской прокуратуры о получении разрешения на заключение заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу о его экстрадиции. Запрос, в котором был указан тот факт, что заявитель подозревался в совершении тяжкого и особо тяжкого преступления в Таджикистане, был зачитан в зале суда. В документе под названием «Решение об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения» Городской суд отметил, что заявитель находился под подозрением в создании преступной организации, подстрекательстве к расовой и религиозной вражде и призыве к свержению конституционного режима Таджикистана, и вынес постановление о заключении заявителя под стражу согласно Минской конвенции и Статье 108 Уголовно-процессуального кодекса. Городской суд аргументировал свое решение тем, что заявитель являлся

иностранным гражданином, не имел постоянного места работы или постоянного места жительства и, если его не заключить под стражу, он мог скрыться от правосудия, продолжить заниматься незаконной деятельностью или препятствовать ходу уголовного судопроизводства. Заявителю было сообщено о его праве обжаловать решение в Московский областной суд в течение трех дней.

35. 24 декабря 2007 года Генеральная прокуратура Таджикистана направила Генеральной прокуратуре России требование о выдаче заявителя как лицо, которому предъявлено обвинение в совершении преступлений, связанных с террористическими действиями.

36. 28 декабря 2007 года Городской суд издал постановление о заключении заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства о его экстрадиции согласно Статьям 108 и 466 Уголовно-процессуального кодекса. Документ назывался «Решение об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения». Заявителю было сообщено о его праве обжаловать решение в Московский областной суд в течение трех дней.

37. Заявитель не обжаловал решения Городского суда от 20 ноября и 28 декабря 2007 года.

38. 11 января 2008 года заявитель впервые в своих письмах УВКБ ООН и ФМС города Москвы заявил, что в Таджикистане он подвергался преследованию по политическим основаниям.

39. 4 июня 2008 года Заместитель генерального прокурора России удовлетворил запрос Генеральной прокуратуры Таджикистана и выдал распоряжение о выдаче заявителя. Заявителю было сообщено о его праве обжаловать данное распоряжение в течение десяти дней.

40. 28 июля 2008 года заявитель подал апелляционную жалобу по решению о его выдаче.

41. 5 августа 2008 года ФМС города Москвы получила от заявителя заявление о предоставлении временного убежища.

42. 22 августа 2008 года Московский городской суд отклонил апелляционную жалобу заявителя по решению о его выдаче.

43. 27 августа 2008 года заявитель подал апелляционную жалобу по решению суда от 22 августа 2008 года.

44. 28 октября 2008 года Верховный суд России отклонил апелляционную жалобу заявителя и утвердил решение суда от 22 августа 2008 года. 13 ноября 2008 года заявителю было представлено решение апелляционного суда.

3. Судебное разбирательство по вопросу о предоставлении убежища

45. 24 января 2008 года Генеральная прокуратура России получила запрос от адвоката заявителя дать разрешение на посещения заявителя персоналом УВКБ ООН. Запрос, сделанный УВКБ ООН, был получен Генеральной прокуратурой России только 23 июля 2008 года. В запросе не были указаны личные данные рассматриваемого персонала. Как только УВКБ ООН сообщило эти данные, Генеральная прокуратура России выдала разрешение на посещение заявителя.

46. В неуказанную дату УВКБ ООН сообщило в прокуратуру Московской области о том, что заявитель имел право на международную защиту.

47. 26 февраля 2008 года заявитель подал заявление в ФМС города Москвы о предоставлении ему статуса беженца.

48. 20 марта 2008 года должностные лица ФМС города Москвы посетили заявителя в СИЗО и опросили его.

49. Заявителю были предоставлены достаточные возможности обосновать свои опасения подвергнуться преследованию в Таджикистане. Он был опрошен госслужащими несколько раз.

50. 16 мая 2008 года ФМС города Москвы, тщательно изучив заявление заявителя, отклонила его и отказала в предоставлении заявителю статуса беженца. Заявитель подал апелляционную жалобу по данному решению.

51. 3 июля 2008 года Замоскворецкий районный суд города Москвы отказался принять апелляционную жалобу заявителя по решению ФМС города Москвы от 16 мая 2008 года и предложил заявителю устранить неточности в его апелляционной жалобе до 18 июля 2008 года.

52. 25 августа 2008 года Замоскворецкий районный суд города Москвы принял решение не рассматривать апелляционную жалобу заявителя по решению ФМС города Москвы, так как заявитель не устранил неточности, указанные в судебном решении от 3 июля 2008 года.

53. 26 ноября 2008 года заявление заявителя о предоставлении временного убежища было отклонено.

54. 18 ноября 2008 года Московский городской суд отменил судебное решение от 25 августа 2008 года и отправил дело на дополнительное расследование в первой инстанции.

55. 12 марта 2009 года Замоскворецкий районный суд города Москвы отклонил апелляционную жалобу заявителя по решению ФМС города Москвы от 16 мая 2008 года.

II. СООТВЕТСТВУЮЩЕЕ ВНУТРЕННЕЕ ПРАВО И ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ НОРМЫ

А. Уголовно-процессуальный кодекс (УПК)

56. Глава 13 УПК регулирует применение мер пресечения. Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. (Статья 108 § 1). При необходимости избрания в качестве меры пресечения заключения под стражу следователь с согласия руководителя следственного органа, а также дознаватель с согласия прокурора возбуждают перед судом соответствующее ходатайство (Статья 108 § 3). Постановление о возбуждении ходатайства об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу подлежит рассмотрению единолично судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (Статья 108 § 4). Постановление судьи об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу или об отказе в этом может быть обжаловано в вышестоящий суд в течение 3 суток со дня его вынесения (Статья 108 § 11). Содержание под стражей при расследовании преступлений не может превышать два месяца (Статья 109 § 1), но может быть продлено на срок до шести месяцев судьей районного суда или военного суда соответствующего уровня (Статья 109 § 2). Дальнейшее продление срока может быть осуществлено в отношении лиц, обвиняемых в совершении тяжких и особо

тяжких преступлений, по ходатайству следователя, внесенному с согласия прокурора субъекта Российской Федерации, до 12 месяцев (Статья 109 § 3).

57. Глава 16 УПК устанавливает порядок обжалования действий и решений суда или должностных лиц, осуществляющих уголовное судопроизводство. Действия (бездействие) и решения органа дознания, дознавателя, начальника подразделения дознания, следователя, руководителя следственного органа, прокурора и суда могут быть обжалованы в установленном настоящим Кодексом порядке участниками уголовного судопроизводства, а также иными лицами в той части, в которой производимые процессуальные действия и принимаемые процессуальные решения затрагивают их интересы (Статья 123). Такие действия или бездействие могут быть обжалованы прокурору (Статья 124). Постановления дознавателя, следователя, руководителя следственного органа об отказе в возбуждении уголовного дела, о прекращении уголовного дела, а равно иные решения и действия (бездействие) дознавателя, следователя, руководителя следственного органа и прокурора, которые способны причинить ущерб конституционным правам и свободам участников уголовного судопроизводства либо затруднить доступ граждан к правосудию, могут быть обжалованы в суде (Статья 125).

58. При получении от иностранного государства требования о выдаче лица, если при этом не представлено решение судебного органа об избрании в отношении данного лица меры пресечения в виде заключения под стражу, Генеральный прокурор или его заместитель в целях обеспечения возможности выдачи лица решает вопрос о необходимости избрания ему меры пресечения в порядке, предусмотренном Кодексом (Статья 466 § 1).

В. Решения Конституционного суда

1. Решение Конституционного суда № 101-О от 4 апреля 2006 года

59. Конституционный суд рассмотрел допустимость применения Статьи 466 § 1 УПК и Конституции России и повторил свое предыдущее постановление, что превышающее нормы или произвольное заключение под стражу, неограниченное по времени и без надлежащего пересмотра, не соответствовало Статье 22 Конституции и Статье 14 § 3 Международного пакта о гражданских и политических правах во всех делах, включая судебные разбирательства по вопросу экстрадиции.

60. С точки зрения Конституционного суда, гарантии права на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренные Статьей 22 и Главой 2 Конституции, а также правовыми нормами Главы 13 УПК о мерах пресечения, полностью применялись к заключению под стражу с целью выдачи. Соответственно, Статья 466 УПК не разрешала органам власти применение меры, связанной с заключением под стражу, не соблюдая порядок, установленный УПК или с превышением установленных предельных сроков.

2. Решение Конституционного суда № 158-О от 11 июля 2006 года по запросу Генерального прокурора о разъяснении

61. Генеральный прокурор направил в Конституционный суд запрос об официальном разъяснении решения № 101-О от 4 апреля 2006 года (смотри выше), в частности, с целью разъяснения порядка продления срока заключения лица под стражу с целью выдачи.

62. Конституционный суд отклонил запрос на том основании, что он не был компетентен в вопросе конкретных положений уголовного права, регулирующих порядок и предельные сроки заключения лица под стражу с целью экстрадиции. Этот вопрос относился к компетенции судов общей юрисдикции.

3. Решение Конституционного суда № 333-О-Р от 1 марта 2007 года

63. В своем решении Конституционный суд снова сослался на то, что Статья 466 УПК не предусматривала, что заключение лица под стражу на основании требования о его выдаче не соответствовало условиям и предельным срокам, предусмотренным уголовно-процессуальным законодательством.

С. Решение Верховного суда

64. Верховный суд Российской Федерации в своем решении от 14 февраля 2003 года удовлетворил запрос Генерального прокурора и квалифицировал ряд международных и региональных организаций как террористические организации, включая ХТ (также известную как Партия исламского освобождения) и запретил их деятельность на территории **России**. В отношении ХТ суд постановил, что ее целью было свержение неисламистских правительственных органов и установить «исламское правление в международном масштабе путем возрождения всемирного исламского халифата», в первую очередь в районах, где главным образом проживает мусульманское население, включая **Россию** и других членов Содружества независимых государств.

III. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ И ПРОЧИЕ ДОКУМЕНТЫ

А. Совет Европы

65. Рекомендация № R (98) 13 Комитета министров Совета Европы Государствам-членам относительно прав лиц, ищущих убежище, которые получили отказ, на эффективные средства правовой защиты в отношении решений о высылке в контексте Статьи 3 Европейской конвенции по правам человека, гласит следующее:

«Без ущерба осуществлению любого права лицом, ищущим убежище, которое получило отказ, на обжалование отрицательного решения по его заявлению о предоставлении убежища, в соответствии с рекомендациями, кроме прочих, изложенными в Рекомендации Совета Европы № R (81) 16 Комитета министров...,

1. Каждому лицу, ищущему убежище, которое получило отказ в предоставлении статуса беженца и подлежит высылке в страну, в отношении которой такое лицо подает небезосновательную жалобу, что он или она может подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказания, должны быть предоставлены эффективные средства правовой защиты перед органами федеральной власти.

2. В случае применения параграфа 1 данной рекомендации, средство правовой защиты перед федеральным органом власти следует считать эффективным, если ...

2.2. такой орган власти компетентен как в принятии решения относительно наличия условий, предусмотренных Статьей 3 Конвенции, так и в предоставлении соответствующего средства судебной защиты;...

2.4. исполнение приказа о высылке приостановлено до принятия решения согласно пункту 2.2.»

66. Уполномоченный по правам человека Совета Европы опубликовал Рекомендацию (CommDH(2001)19) от 19 сентября 2001 года, касательно прав иностранцев, желающих въехать на территории Государства-члена Совета Европы, и приведения в исполнение приказов о высылке, часть которой гласит следующее:

«11. Важно, чтобы право на средство судебной защиты по определению Статьи 13 Европейской конвенции по правам человека, не только было гарантировано законом, но и предоставлялось на практике, когда лицо заявляет о нарушении или вероятности нарушения прав, гарантированных Европейской конвенцией по правам человека, компетентными органами власти. Право на эффективное средство правовой защиты должно быть предоставлено каждому лицу, которое намерено оспорить приказ о принудительном возвращении или высылке. Приведение в действие приказа о высылке должно быть приостановлено, если заявлено, как минимум, о нарушениях Статей 2 или 3 Европейской конвенции по правам человека».

67. Другие относящиеся к делу документы указаны в постановлении Суда по делу *Гебремедхин [Габерамадхин] против Франции*, № 25389/05, §§ 36-38, ECHR 2007-...

В. Конвенция СНГ о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Минская конвенция)

68. При исполнении действий, запрашиваемых согласно Минской конвенции, сторонами которой являются Россия и Таджикистан, официальный орган власти, получивший запрос, применяет внутригосударственное право своей страны (Статья 8 § 1).

69. По получении требования о выдаче запрашиваемая страна незамедлительно принимает меры к розыску и взятию под стражу лица, выдача которого требуется, за исключением тех случаев, когда выдача не может быть произведена (Статья 60).

70. Лицо, выдача которого требуется, по ходатайству может быть взято под стражу и до получения требования о выдаче. В ходатайстве должны содержаться ссылка на постановление о взятии под стражу и указание на то, что требование о выдаче будет направлено дополнительно (Статья 61 § 1). О взятии под стражу или задержании лица до получения требования о выдаче необходимо немедленно уведомить запрашивающую страну (Статья 61 § 3).

71. Лицо, заключенное под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу о его экстрадиции согласно Статье 61 § 1 Минской конвенции, должно быть освобождено из-под стражи, если запрашивающая страна не предоставит официальное требование о выдаче со всеми необходимыми сопутствующими документами в течение сорока дней после заключения лица под стражу (Статья 62 § 1).

С. Доклады по Таджикистану

72. Выводы и рекомендации: Таджикистан, опубликованные Комитетом ООН против пыток от 7 декабря 2006 года (CAT/C/TJK/CO/1), относятся к следующим представляющим интерес областям, имеющим отношение к положению в области прав человека в стране:

«Определение пытки, содержащееся в национальном законодательстве ... не в полной мере соответствует определению, содержащемуся в статье 1 Конвенции, особенно в том, что касается целей применения пытки и ее распространения на всех государственных должностных лиц и других лиц, действующих в официальном качестве.

...

Существуют многочисленные утверждения о широком распространении практики пыток и жестокого обращения со стороны персонала правоприменительных и следственных органов, в частности для получения признаний для использования в ходе уголовного судопроизводства. Кроме того, не принимаются профилактические меры для обеспечения эффективной защиты всех членов общества от пыток и жестокого обращения.

...

Комитет также обеспокоен следующим:

а) отсутствием установленного в законе обязательства регистрировать задержанных сразу же после лишения их свободы, в том числе до официального ареста и предъявления обвинения, отсутствием надлежащих протоколов, касающихся ареста и задержания лиц, и непроведением регулярных и независимых медицинских осмотров;

б) многочисленными и постоянно поступающими сообщениями о создании препятствий в деле получения доступа к адвокату, проведения независимой медицинской экспертизы и установления контактов с родственниками сразу же после ареста, что обусловлено существованием законодательства и практики, которые допускают отсрочку вышеуказанных контактов до регистрации факта ареста, а сам доступ предоставляется только по разрешению/просьбе должностных лиц;

в) сообщениями о том, что незаконные ограничения возможности доступа к адвокатам, врачам и членам семьи, устанавливаемые агентами государства, не расследуются и не наказываются;

г) отсутствием основополагающих гарантий обеспечения судебного надзора над задержаниями, поскольку прокуратура также уполномочена осуществлять такой надзор;

д) широким применением практики досудебного содержания под стражей, продолжительность которого может достигать 15 месяцев; и

е) высоким количеством лиц, умерших в период содержания под стражей.

...

Постоянно поступают достоверные утверждения о нередком использовании сотрудниками правоприменительных и следственных органов методов допроса, запрещенных Конвенцией.

...

Имеются сообщения об отсутствии систематического обследования всех мест содержания под стражей национальными или международными надзорными органами и что регулярный и необъявленный доступ к таким местам запрещен».

73. Организация «Международная Амнистия» в своем документе «Центральная Азия: краткое изложение вопросов, вызвавших озабоченность в регионе в период с марта 2007 г. по март 2008 г.» описывает ситуацию, связанную со свободой вероисповедания в Таджикистане, следующим образом:

«Члены религиозных меньшинств и правозащитники были озабочены тем, что решения, принимаемые органами власти, ограничивали свободу религии и вероисповедания. В течение второй половины 2007 года в столице, городе Душанбе, были закрыты или разрушены незарегистрированные мечети. ... Новый предложенный закон о религии вызвал опасения того, что незарегистрированная религиозная деятельность будет запрещена. Проект закона предлагал строгие регистрационные требования, что затруднило бы для религиозных меньшинств первичную или повторную регистрацию своего правового статуса. В проекте также предлагалось ограничить число зарегистрированных мечетей и запретить миссионерскую деятельность. В ожидании принятия нового закона правительство не принимало новые заявления от религиозных групп на регистрацию их правового статуса.

...

В ноябре [2007 г.] специальный докладчик ООН по свободе религии или вероисповедания, Асма Йахангир, опубликовала доклад о своем визите в Таджикистан в начале года. В выводах докладчика подчеркивалась «необходимость в разработке образовательных политик, нацеленных на стабилизацию продвижения и защиты прав человека и искоренение предрассудков, которые несовместимы со свободой религии или вероисповедания». В выводах также отмечалось, что процедуры регистрации религиозных групп должны быть простыми и понятными, а «регистрация не должна являться непременным условием для исповедания веры». Специальный докладчик порекомендовала органам власти Таджикистана обеспечить «принятие мер по противодействию террористической деятельности в соответствии со своими обязательствами, предусмотренными международным правом, законодательством о беженцах и гуманитарным правом». Она также отметила, что «независимая, нейтральная и беспристрастная судебная власть и незамедлительный доступ к услугам адвоката очень важны для гарантии свободы религии или вероисповедания всем лицам и религиозным сообществам».

74. Всемирный доклад: Страж прав человека о Таджикистане, выпущенный в январе 2009 года, описывает положение в области прав человека в стране следующим образом:

«Свобода религии

На момент подготовки настоящего обзора правительство так еще и не направило в парламент проект нового закона о свободе совести, вызывавший в 2007 г. резкую критику. В соответствии с законопроектом все религиозные организации должны перерегистрироваться с соблюдением таких обременительных требований, как предоставление адресных данных на всех, кто в любой момент за последние 10 лет был членом организации. Предполагается также запретить иностранцам возглавлять религиозные организации.

...

Меры в рамках борьбы с экстремизмом и терроризмом

По представлению генерального прокурора Верховный суд Таджикистана признал экстремистской организацию «Хизб-ут-Тахрир», выступающую за восстановление халифата мирными средствами. Власти продолжали арестовывать ее членов и предавать их суду по обвинению либо в подрывной деятельности, либо в разжигании расовой, национальной или религиозной розни, зачастую за одно лишь хранение печатных материалов.

...

Случаи пыток и смерти в местах заключения

Принятое в Таджикистане определение пыток не в полной мере соответствует рекомендациям Комитета ООН против пыток от декабря 2006 г. Позитивным шагом стало изменение в марте 2008 г. Уголовно-процессуального кодекса с целью обеспечения недопустимости в суде полученных под пыткой доказательств.

Эксперты признают, что в большинстве случаев распространенная практика пыток остается безнаказанной. В одном из немногих дошедших до суда дел двое сотрудников милиции из Хатлонской области в августе 2008 г. были осуждены за недозволенное обращение с несовершеннолетними: один получил четыре года, второй - условный срок.

НПО и местные СМИ сообщали, по меньшей мере, о трех случаях смерти в местах заключения в 2008 г., включая смерть от рака бывшего зампреда Партии исламского возрождения Таджикистана Шамсиддина Шамсиддинова. В партии утверждали, что его арест в 2003 г. был политически мотивированным и что своевременная операция могла бы его спасти.

В решении по жалобе *Рахматов и другие против Таджикистана* от 1 апреля 2008 г. Комитет ООН по правам человека признал правительство ответственным за нарушение прав, включая право не подвергаться пыткам, в отношении пяти заявителей, двое из которых на момент ареста были

несовершеннолетними. При рассмотрении жалобы правительство с комитетом не сотрудничало. Аналогичные нарушения были признаны комитетом 30 октября 2008 г. в решении по жалобе *Хусейнов и Бутаев против Таджикистана*».

75. Страновой доклад Государственного департамента США о практике в области прав человека 2008 года, выпущенный 25 февраля 2009 года, содержит следующую информацию относительно Таджикистана:

«Таджикистан – это авторитарное государство, политическая жизнь которого регулируется Президентом Эмомали Рахмон и его сторонниками ...

Послужной список правительства в области прав человека оставался на низком уровне. Коррупция продолжала мешать демократическим и социальным реформам. Поступали сообщения о следующих проблемах в области прав человека: ... случаи пыток и жестокого обращения с лицами, содержащимися под стражей, и прочими лицами со стороны сил безопасности; угрозы и оскорбления со стороны сил безопасности; безнаказанность сил безопасности, продолжительное заключение под стражу до начала судебного процесса, лишение права на справедливое судебное разбирательство; жесткие и опасные для жизни условия тюремного заключения, не предоставление международным наблюдателям доступа к заключенным; ... ограничения свободы вероисповедания, включая свободы богослужения; ...

Закон запрещает ... практику [пыток и прочего жестокого, бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания], однако, по имеющимся данным, сотрудники служб безопасности их используют. Должностные лица не предоставляют надлежащего доступа к информации, чтобы организации по правам человека могли провести расследование по жалобам о применении пыток.

Сотрудники служб безопасности, в частности, из Министерства внутренних дел, продолжали практику избиений и прочих форм насилия для получения признаний во время допроса. Избиения и прочие формы жестокого обращения также часто использовались в местах содержания под стражей. Исследование 2008 года, проведенное Бюро по правам человека и нормам права, местной неправительственной организацией, достоверно показало необъективное отношение системы уголовного правосудия к сотрудникам правоохранительных органов, которые получали признания от лиц, задержанных под стражу. В статьях уголовного кодекса нет точного определения пыток, а правоохранительные органы страны не разработали эффективных методов выявления возможных нарушителей.

...

Министерство юстиции продолжало отказывать в доступе к тюрьмам или местам содержания под стражей для представителей международного сообщества и гражданского общества, пытающихся провести расследование по жалобам о жестоком обращении или условиях. Некоторым иностранным дипломатическим миссиям и неправительственным организациям был предоставлен доступ для реализации программ помощи или выполнения консульских функций, но такой доступ для их представителей был ограничен административными или медицинскими участками при сопровождении персонала министерства юстиции. Правительство не подписало договор с Международным комитетом Красного креста (МККК), предусматривающий свободный и беспрепятственный доступ в тюрьмы и центры содержания под стражей, а персонал МКК по международному мониторингу не вернулся в страну после его отъезда в 2007 году.

В течение года лица, содержащиеся под стражей, и заключенные подавали жалобы о жестоких и опасных для жизни условиях, включая переполненность и отсутствие санитарных условий. Заболевания и голод являлись серьезными проблемами, но внешние наблюдатели не имели возможности точно оценить степень серьезности проблем из-за отсутствия доступа. Организации, работающие над проблемами тюрем, сообщали о значительном уровне заболеваемости туберкулезом и ВИЧ и низком качестве медицинского обслуживания.

...

Правительство не внесло никаких значительных изменений в Уголовно-процессуальный кодекс с времен Советского Союза, и система уголовного правосудия не могла защитить лиц от произвольного задержания или заключения под стражу.

...

Жертвы насильственных действий со стороны полиции могут подать официальную жалобу в письменной форме руководителю должностного лица. Однако большинство жертв предпочитают молчать, чем страдать от мер возмездия со стороны органов власти.

...

Прокуроры имеют полномочия выдавать ордера на арест, а для ордера на заключение под стражу до начала судебного процесса не требуется судебного разрешения. Закон позволяет полиции при определенных обстоятельствах заключать подозреваемых под стражу без ордера, но обязывает уведомить прокурора в течение 24 часов после задержания. Заключение под стражу до начала судебного процесса в исключительных обстоятельствах может длиться до 15 месяцев. Местные прокуроры имеют право дать распоряжение о заключении под стражу до начала судебного процесса сроком до двух месяцев, приказы о последующих заключениях под стражу должны быть выданы прокурорами более высокого уровня. Обвиняемый может подать ходатайство о судебном пересмотре приказа о заключении под стражу. Однако судьи редко сомневались в правильности решений о заключении под стражу, и наблюдатели обычно рассматривали такой пересмотр как формальность.

Лица после задержания имеют право на адвоката. Правительство обязано назначать адвокатов тем, кто не может себе позволить оплатить услуги своего адвоката. На практике правительство не всегда предоставляло адвокатов, а те, которых оно предоставляло, обычно действовали в интересах правительства, а не клиента. Отсутствует система освобождения под залог, хотя лица, содержащиеся под стражей по обвинению в уголовном преступлении, могут быть освобождены из-под стражи условно и не покидать свое место жительства до суда. В соответствии с законом членам семьи должен быть предоставлен доступ к заключенным только после предъявления обвинения. Должностные лица иногда отказывали адвокатам и членам семьи в доступе к лицам, содержащимся под стражей. Органы власти удерживали под стражей многих лиц без права переписываться и общаться непосредственно с родственниками и защитником в течение длительных периодов времени без предъявления им официального обвинения.

...

Хотя закон предусматривает независимость судебной власти, на практике исполнительная власть и криминальные структуры оказывали давление на прокуроров и судей. Коррупция и неэффективность являлись значительными проблемами.

Уголовно-процессуальный кодекс дает прокурору несоразмерную степень власти в отношении судей и адвокатов защиты. Данная власть заключается в контроле над официальным расследованием и наблюдении за всем разбирательством по делу. «Надзорные полномочия», предоставленные законом, позволяют прокурору опротестовывать решение суда за пределами обычных процедур апелляции. Прокуроры могут фактически обеспечить отмену судебного разрешения и необоснованный пересмотр дела вышестоящими судами по истечении сроков подачи апелляции. Такие полномочия являются препятствием для установления независимой судебной власти.

Президент имеет полномочия назначать и отстранять от должности судей и прокуроров с согласия парламента. Судьи всех уровней часто плохо подготовлены и имеют крайне ограниченный доступ к справочным правовым материалам. Низкая заработная плата судей и прокуроров делает их уязвимыми к взяточничеству, которое остается обычной практикой. Судьи подвержены политическому влиянию.

Судебные разбирательства проводятся при открытых дверях, за исключением дел, касающихся национальной безопасности. Органы власти лишили организации по мониторингу доступа на судебные заседания без оснований. Список присяжных, состоящий из председателя суда и двух «народных заседателей» принимает решение о виновности или невиновности. Квалификации заседателей и то, как

их выбирают, неизвестно, но они играют пассивную роль, а судебным процессом руководит председатель суда.

В соответствии с законом дела должны быть рассмотрены судьей в течение 28 дней после предъявления обвинения, однако, большинство дел затягивается на месяцы. По закону суды назначают адвокатов за счет государства, однако, на практике органы власти часто лишали задержанных лиц доступа к услугам адвоката.

Лица, которым было предъявлено обвинение, постоянно признавались виновными. Судьи часто отдавали предпочтение неподтвержденным свидетельствам сотрудников правоохранительных органов, особенно членам [Министерства безопасности] и часто игнорировали отсутствие вещественных доказательств.

В соответствии с законом, как ответчики, так и адвокаты имеют право на рассмотрение всех доказательств правительства, проводить очные ставки и опрашивать свидетелей и предоставлять доказательства и свидетельские показания. Никому не запрещено давать свидетельские показания и, в принципе, все свидетельские показания подлежат одинаковому рассмотрению. Закон предусматривает право обжалования. Закон предоставляет права ответчиков в судебных процедурах всем гражданам.

...

Конституция предусматривает свободу вероисповедания, однако, на практике правительство продолжало налагать ограничения, и уважение к свободе вероисповедания продолжает исчезать.

Совет Уламо, совет мусульманского духовенства, распространяет интерпретации религиозной практики, которым должны следовать имамы всей страны. В то время как совет официально является независимым религиозным органом, на практике он сильно подвержен влиянию правительства. Духовное ведомство при Министерстве культуры отвечает за общее управление всеми религиозными организациями. Духовное ведомство после консультации с органами власти регистрирует и утверждает все религиозные храмы. Что касается мусульман, Духовное ведомство контролирует все аспекты участия в хадж, включая выбор участников. Президент Рахмон основал центр мусульманских учений в течение года для управления религиозной политикой.

Правительство продолжало налагать ограничения на личное поведение и ограничивать деятельность религиозных групп, которые считало «угрозой для национальной безопасности». ... Государственные служащие регулярно посещали мечети для контроля деятельности, наблюдали за теми, кто посещал мечети, и проверяли аудио и видеоматериалы для доказательства экстремистских и антиправительственных действий. Духовное ведомство продолжало проверять у имамов их религиозные знания и обеспечивало, чтобы они следовали официальным точкам зрения по религиозным вопросам.

...

Озабоченность правительства по поводу иностранного влияния привела в результате к введению ограничительных мер, направленных против групп религиозных меньшинств. Правительство не отменило запрет в отношении движения ХТ (Хизб ут-Тахрир), которое классифицировало как экстремистское исламское политическое движение. Органы власти ввели ограничительные меры против еще одной исламской группы под названием Салафис. ...”

ПРАВО

I. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 3 КОНВЕНЦИИ

76. Заявитель утверждал, что в случае его выдачи Таджикистану он будет подвергаться жестокому обращению в нарушение Статьи 3 Конвенции. Он также заявил, что органы

власти России не приняли во внимание риски жестокого обращения, которому он будет подвергаться в запрашивающей стране. В Статье 3 Конвенции предусмотрено следующее:

«Никто не должен подвергаться ни пыткам, ни бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

А. Заявления сторон

1. Власти

77. Власти оспорили аргументы заявителя.

78. В своих заявления органы власти Таджикистана утверждали, что в период с 1998 года по 2000 год заявитель участвовал в незаконной преступной группировке, созданной с целью свергнуть конституционный режим Таджикистана, и, являясь членом Хизб ут-Тахрир, распространял информацию, направленную на разжигание расовой и религиозной розни, и набирал новых членов в незаконную группировку.

79. 14 февраля 2003 года Верховный суд России объявил Хизб ут-Тахрир террористической организацией и запретил ее деятельность на территории Российской Федерации.

80. На первом опросе, проводимом Одинцовской прокуратурой 28 ноября 2007 года, на вопрос о том, преследовался ли заявитель по политическим основаниям, он дал отрицательный ответ и заявил, что приехал в **Россию**, чтобы найти работу.

81. 20 марта 2008 года заявитель утверждал, что он бежал из Таджикистана от преследования таджикским Министерством безопасности, но не предоставил никаких доказательств в поддержку своего утверждения. Вместо этого, он заявил, что его брат был приговорен к девяти годам тюремного заключения, так как являлся членом Хизб ут-Тахрир. С точки зрения Властей, заявитель, наверняка, был осведомлен о деятельности Хизб ут-Тахрир.

82. Заявитель не мог подвергаться преследованию за отправление религиозных обрядов, так как ислам является официальной религией Таджикистана. Более того, ни одна из многочисленных религиозных групп в Таджикистане не является объектом преследования.

83. Заявитель не подавал ходатайства о предоставлении статуса беженца после прибытия в **Россию** и в течение последующих шести лет. ФМС города Москвы после тщательного рассмотрения его дела пришла к заключению, что заявитель не отвечал критериям определения статуса беженца. Они изучили политическую и экономическую ситуацию в Таджикистане, обращая особое внимание на работу судебной системы и системы исправительных учреждений, а также отношение таджикских органов власти к мусульманам.

84. Генеральная прокуратура Таджикистана предоставила дипломатические гарантии того, что заявитель будет подвергаться преследованию только в отношении преступлений, указанных в требовании о выдаче, что он сможет беспрепятственно покинуть Таджикистан после ответа перед судом и отбытия срока наказания и, что он не будет выслан, передан или выдан третьему Государству без согласия российских органов власти. В соответствии с Уголовным кодексом Таджикистана его задачей является защищать права человека, а приговор, выносимый преступнику, не может преследовать

цель причинить ему или ей физические страдания или унижить достоинство рассматриваемого лица.

85. Российское Министерство иностранных дел сообщило в Генеральную прокуратуру России, что основания для невыдачи заявителя отсутствовали, так как Таджикистан, член ООН, взял на себя обязательство соблюдать Всеобщую декларацию прав человека и основать таджикское управление по разбору жалоб населения на действия государственных учреждений. Таджикистан ратифицировал Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, Конвенцию о беженцах 1989 года, Конвенцию против пыток 1984 года и прочие договора. Российские органы власти официально признали Таджикистан светским демократическим государством.

86. Утверждения заявителя о рисках жестокого обращения в Таджикистане не были обоснованы. Соответственно, его выдача не приведет в результате к обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции.

2. Заявитель

87. Заявитель сообщил российским органам власти, что он опасался преследования из-за обвинения в причастности к деятельности группировки Хизб ут-Тахрир. В частности, 22 августа 2008 года, он сообщил Московскому городскому суду, что в 2001 году ему сказали, что после его возвращения в Таджикистан, он будет заключен под стражу. Заявитель числился в списке лиц, находящихся в розыске, с 2001 года, что было доказано тем фактом, что 27 октября 2001 года он был заключен под стражу с целью его выдачи в качестве лица, разыскиваемого в Таджикистане. Заявитель утверждал, что на допросе Московским городским судом 22 августа 2008 года ему не был предоставлен адвокат и, таким образом, он не мог осознавать правовые последствия его заявления, что он прибыл в **Россию** с целью найти работу. Он также утверждал, что у него было право подать ходатайство о предоставлении статуса беженца в любое время, а не обязательно сразу по прибытии в **Россию**. Заявитель ставил под сомнение действительность дипломатических гарантий, указанных в деле. В целом, заявитель утверждал, что его выдача Таджикистану повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции.

В. Оценка суда

1. Приемлемость

88. Суд отмечает, что исковое требование в соответствии со Статьей 3 Конвенции не является недостаточно обоснованным по определению Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что нет других оснований считать его неприемлемым. Таким образом, Суд объявил исковое требование приемлемым.

2. Существо

(а) Общие принципы

89. Суд изначально повторяет, что жестокое обращение должно достигнуть минимального уровня тяжести, чтобы попасть под действие Статьи 3. Оценка такого минимума, в силу природы вещей, является относительной. Она зависит от всех обстоятельств дела, таких как характер и содержание обращения или наказания; манера и

метод его осуществления, его продолжительность, физическое или психологическое воздействие, в некоторых случаях, пол, возраст и состояние здоровья жертвы (смотри дело *T. против Великобритании* [GC], №24724/94, § 68, 16 декабря 1999 года). Заявления о жестоком обращении должны быть подтверждены соответствующими доказательствами. Для оценки Суд применяет критерий доказанности «при отсутствии разумных оснований для сомнения», но добавляет, что такая доказанность может последовать из сосуществования строгих, ясных и согласованных умозаключений или подобных неопровержимых презумпций факта (смотри *Йаллох против Германии* [GC], № 54810/00, § 67, ECHR 2006-IX).

90. Далее Суд напоминает, что выдача Договаривающимся государством может стать причиной судебного спора в силу Статьи 3 и, тем самым, привлечь такое государство к ответственности в соответствии с Конвенцией, если есть достаточные основания полагать, что рассматриваемое лицо в случае выдачи понесет фактический риск подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 Конвенции в принимающей стране. Установление такой ответственности обязательно требует оценки условий в запрашивающей стране на соответствие стандартам Статьи 3 Конвенции. Тем не менее, вопроса о признании или установлении ответственности принимающей страны по общему международному праву или по Конвенции или иным образом не стоит (смотри *Соринг против Великобритании*, 7 июля 1989 года, § 91, Серия А №161).

91. При определении доказанности того, что в случае выдачи заявитель понесет фактический риск подвергнуться обращению, запрещенному Статьей 3, Суд обязан рассмотреть вопрос в свете всех представленных материалов или в случае необходимости материалов, полученных по собственной инициативе (смотри *H.L.R. против Франции*, 29 апреля 1997 года, § 37, Доклады о судебных постановлениях и решениях 1997-III). Так как характер ответственности Договаривающихся государств по Статье 3 в такого рода делах лежит в действиях, ставящих лицо в ситуацию риска жестокого обращения, наличие такого риска должно оцениваться, главным образом, с точки зрения тех фактов, которые были известны или должны были быть известны Договаривающемуся государству в момент выдачи (смотри *Круз Варас и другие против Швеции*, 20 марта 1991 года, §§ 75-76, Серия А №201, и *Вилварайах и другие против Великобритании*, 30 октября 1991 года, § 107, Серия А № 215). Однако если заявитель не был выдан или выслан на момент рассмотрения дела Судом, соответствующим временем будет время судебного разбирательства в Суде (смотри *Чахал против Великобритании*, 15 ноября 1996 года, §§ 85-86, Доклады 1996-V).

92. Чтобы определить, имеет ли место риск жестокого обращения, Суд обязан рассмотреть прогнозируемые последствия выдачи заявителя получающей стране, учитывая общую ситуацию в такой стране и его личные обстоятельства (смотри *Вилварайах и другие*, приведено выше, § 108 в конце). Для заявителя является принципиальным предоставление доказательств, способных подтвердить, что имеются достаточные основания полагать, что при принятии мер, в отношении которых подана жалоба, он понесет риск подвергнуться обращению, противоречащему Статье 3 (смотри *H. против Финляндии*, № 38885/02, § 167, 26 июля 2005 года). Если такое доказательство предоставлено, Власти имеют право рассеять имеющиеся в отношении него сомнения (смотри *Рябкин против России*, № 8320/04, § 112, 19 июня 2008 года).

93. Что касается общей ситуации в определенной стране, Суд считает, что он может придать определенную важность информации, содержащейся в последних докладах международных объединений по защите прав человека, таких как организация «Международная амнистия», или государственных источников, включая Государственный департамент США (смотри, например, *Чахал*, приведено выше, §§ 99-100, *Муслим против Турции*, №53566/99, § 67, 26 апреля 2005 года, *Саид против Нидерландов*, № 2345/02, § 54, 5 июля 2005 года, и *Аль-Моайад против Германии* (решение), № 35865/03, §§ 65-66, 20 февраля 2007 года). В то же время простая возможность жестокого обращения вследствие неустойчивой обстановки в принимающей стране сама по себе не может быть причиной нарушения Статьи 3 (смотри *Вилварайах и другие*, приведено выше, § 111, и *Фатган Катани и другие против Германии* (решение), №67679/01, 31 май 2001 года). Если источники, доступные Суду, содержат описание общей ситуации, конкретные утверждения заявителя в конкретном деле требуют подкрепления другими доказательствами (смотри *Маматкулов и Аскарлов против Турции* [GC], № 46827/99 и 46951/99, § 73, ECHR 2005-I).

(b) Применение вышеуказанных принципов к настоящему делу

94. В соответствии со своим прецедентным правом, приводимом выше, необходимо проверить, приведут ли прогнозируемые последствия выдачи заявителя в Таджикистан в действие Статью 3 Конвенции. Так как он еще не был выдан вследствие предписания Суда о принятии предварительных мер в соответствии с Правилем 39 Судебного регламента, физической датой оценки такого риска является дата рассмотрения дела Судом.

95. По утверждению заявителя, его опасения о возможном жестоком обращении в Таджикистане обоснованы двумя факторами. Во-первых, ссылаясь на ряд докладов, заявитель утверждает, что общее положение в области прав человека в принимающей стране является плачевным. Во-вторых, он заявляет, что он лично понесет более высокий риск жестокого обращения, чем какое-либо другое лицо, заключенное под стражу в Таджикистане, так как таджикские органы власти подозревают его в причастности к деятельности Хизб ут-Тахрир.

96. Соответственно, Суд в первую очередь рассматривает вопрос, может ли общая политическая обстановка в Таджикистане служить основанием полагать, что заявитель подвергнется жестокому обращению в принимающей стране. Суд отмечает в этом отношении, что по заявлениям Властей, Таджикистан уважает основные права человека. Однако Суд напоминает, что в делах, касающихся иностранцев, сталкивающихся с высылкой или выдачей, он имеет право сравнить материалы, предоставленные Властями, с материалами, полученными из надежных и объективных источников (смотри *Салах Шейх против Нидерландов*, № 1948/04, § 136, ECHR 2007-... (извлечения), и *Саади против Италии* [GC], № 37201/06, § 131, 28 февраля 2008 года).

97. Суд в этом отношении отмечает, что доказательства, полученные из ряда объективных источников, недвусмысленно, подтверждают, что общая ситуация в области прав человека в Таджикистане вызывает серьезную озабоченность. Например, Комитет против пыток указал, что таджикское законодательство в отношении запрета пыток не полностью соответствует тексту Конвенции против пыток, что само по себе вызывает подозрения о степени защиты, предоставляемой тем, кто заявляет о жестоком обращении.

Комитет также подчеркнул, что часто факт заключения под стражу нигде не фиксируется, и лица, заключенные под стражу, лишены права на адвоката и медицинское обслуживание, и часто используются методы допроса, запрещенные Конвенцией против пыток (смотри параграф 72 выше). Организация «Международная амнистия» сообщила, что свобода вероисповедания в Таджикистане связана ограничениями, налагаемыми государственными органами власти (смотри параграф 73 выше). Организация «Страж прав человека» отметила, что освобождение государственных служащих от наказания за применение жестоких пыток является обычным явлением (смотри параграф 74 выше). Государственный департамент США также сообщил о частом применении пыток сотрудниками безопасности и отметил, что государственные органы отказывали независимым наблюдателям в беспрепятственном доступе в места содержания под стражей, включая сотрудников Международного комитета Красного креста (смотри параграф 75 выше).

98. Аргументы властей не убедили Суд в том, что простой факт ратификации Таджикистаном основных инструментов по правам человека исключает возможность несения заявителем риска подвергнуться жестокому обращению в запрашивающей стране. Существования внутригосударственного права и присоединения к международным договорам, гарантирующим уважение фундаментальных прав в принципе, самих по себе недостаточно для обеспечения соответствующей защиты от риска подвергнуться жестокому обращению, когда, как и в настоящем деле, надежные источники сообщают о действиях, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегали или которые позволяли органы власти (смотри *Саади*, приведено выше, § 147 в конце). В связи с тем, что Власти не смогли убедительно доказать, что ситуация в области прав человека в Таджикистане значительно улучшилась по сравнению с той ситуацией, которая была описана в вышеупомянутых докладах уважаемых организаций, Суд готов признать, что жестокое обращение с лицами, заключенными под стражу, является насущной проблемой Таджикистана.

99. Тем не менее, Суд отмечает, что вышеприведенные выводы свидетельствуют об общей ситуации в стране назначения и должны быть подтверждены конкретными заявлениями и требуют наличия других доказательств (смотри *Маматкулов и Аскарлов*, приведено выше, § 73). В том же контексте Суд обязан проверить, оценили ли органы власти риски подвергнуться жестокому обращению до принятия решения о выдаче (смотри *Рябкин*, приведено выше, § 117).

100. Основным аргументом заявителя в соответствии со Статьей 3 является опасность жестокого обращения в Таджикистане, усугубляемого характером преступления, в котором он обвиняется. Суд в этом отношении отмечает, что заявитель обвинялся в причастности к деятельности Хизб ут-Тахрир, транснациональной исламской организации. Суд напоминает, что в делах, где заявитель утверждает, что он или она является членом группы, которая систематически подвергается жестокому обращению, вступает в действие защита, предусмотренная Статьей 3 Конвенции, если заявитель докажет на основании информации, содержащейся в последних докладах от независимых международных объединений по защите прав человека или государственных источников, что имеют место серьезные основания полагать о распространенности указанного обращения и его или ее членстве в представляющей интерес группе (смотри *Саади*, приведено выше, § 132). При таких обстоятельствах Суд не будет настаивать на том, чтобы заявитель доказал наличие

дополнительных особых отличительных признаков, если это придаст иллюзорность защите, предусмотренной Статьей 3 (смотри *Муминов против России*, № 42502/06, § 95, 11 декабря 2008 года, и *НА против Великобритании*, № 25904/07, § 116, 17 июля 2008 года).

101. Заявитель разыскивался таджикскими органами власти по обвинению в его причастности к деятельности Хизб ут-Тахрир, что он всякий раз отрицал. Учитывая доклады уважаемых организаций (смотри, в частности параграфы 73 и 75 выше), Суд считает, что имеют место серьезные основания полагать о наличии практики преследования членов или сторонников такой организации, чьи основополагающие цели являются как политическими, так и религиозными. Ссылку Властей на тот факт, что заявитель не подал ходатайство о предоставлении политического убежища сразу после прибытия в **Россию**, нельзя однозначно назвать опровергающей утверждения заявителя о рисках жестокого обращения, так как защита, предусмотренная Статьей 3 Конвенции, в любом случае, шире защиты, предоставляемой согласно Статьям 32 и 33 Конвенции Организации Объединенных Наций 1951 года в отношении статуса беженца (смотри, с внесенными изменениями, *Саади*, приведено выше, § 138).

102. Учитывая вышесказанное, Суд считает, что были предоставлены достаточные доказательства того, что заявитель понес бы фактический риск подвергнуться обращению, запрещенному Статьей 3 Конвенции, в случае его выдачи Таджикистану.

103. Суд отмечает, что Власти ссылались на гарантии Генеральной прокуратуры Таджикистана, что заявитель не будет подвергаться жестокому обращению в стране (смотри параграф 84 выше). В этой связи Суд подчеркивает, что он имеет право проверить, могут ли дипломатические гарантии, при их практическом применении, являться достаточным обеспечением того, что заявитель будет защищен от риска подвергнуться обращению, запрещенному Конвенцией. Суд отмечает, что гарантии, предоставленные в настоящем деле, являются достаточно неопределенными и неточными, и, следовательно, суд обязан поставить под вопрос их значимость. Суд также снова напоминает, что дипломатических гарантий самих по себе недостаточно для обеспечения надлежащей защиты от риска жестокого обращения, если надежные источники сообщают о случаях действий, противоречащих принципам Конвенции, к которым прибегали или которые позволяли органы власти (смотри *Саади*, приведено выше, §§ 147-48).

104. В заключение, Суд рассматривает утверждение заявителя о том, что российские органы власти не проводили серьезного расследования в отношении возможности жестокого обращения в запрашивающей стране. Власти признали, что 11 января 2008 года, почти за пять месяцев до получения требования о выдаче, заявитель сообщил в российскую миграционную службу, что он подвергался преследованию в Таджикистане по политическим основаниям (смотри параграф 38 выше). Однако при рассмотрении апелляционных жалоб по решению о выдаче, Московский городской суд и Верховный суд **России** попросту заявили, что ходатайство заявителя о предоставлении убежища было отклонено и что его утверждения о преследовании по религиозным основаниям в Таджикистане были необоснованны (смотри параграфы 18 и 19 выше). Поэтому Суд не может прийти к заключению, что российские органы власти надлежащим образом рассмотрели опасения заявителя в отношении Статьи 3 во внутригосударственном судебном разбирательстве по вопросу экстрадиции.

105. Таким образом, Суд приходит к заключению, что исполнение решения о выдаче заявителя повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции.

II. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

106. Заявитель утверждал, что согласно Статье 5 § 1 (f) Конвенции его бессрочное заключение под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу о его экстрадиции было «неправомерным». Во-первых, до 21 декабря 2007 года он содержался под стражей при отсутствии официального требования о его выдаче. Во-вторых, внутригосударственные суды не продлевали срок его заключения под стражу. Он также сослался на Статью 5 § 2, заявив, что ему не сообщили незамедлительно о причинах его задержания. В заключение, он, основываясь на Статье 5 § 4, заявил, что, во-первых, его заключение под стражу не подвергалось никакому судебному контролю и, во-вторых, он был лишен права на пересмотр правомерности его заключения под стражу судом из-за отсутствия доступа к услугам адвоката в течение первых двух недель заключения под стражу.

107. Статья 5 Конвенции, насколько она имеет отношение к делу, гласит следующее:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

...

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого предпринимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

...

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

A. Заявления сторон

1. Власти

108. Власти утверждали, что заявитель не исчерпал внутригосударственные средства правовой защиты в отношении своих жалоб по Статье 5 Конвенции, а также не подавал жалобы о неправомерности или продолжительности его заключения под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции в прокуратуру или суд. Они также утверждали, что заявитель не подавал апелляционных жалоб по решениям от 30 ноября и 28 декабря 2007 года.

109. Далее Власти заявляли, что заключение заявителя под стражу было необходимо для его выдачи в Таджикистан и являлось правомерным в соответствии с российскими правовыми положениями и международными правовыми стандартами. Вопрос выдачи заявителя рассматривался без промедления и надлежащим образом.

110. 28 ноября 2007 года сотрудник Одинцовской прокуратуры уведомил заявителя о причинах его задержания. Во время допроса заявитель ясно заявил в письменной форме, что он не подвергался преследованию по политическим основаниям и не являлся

беженцем. В течение последующих двух недель заявитель не требовал предоставить ему адвоката.

111. Срок заключения заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции соответствовал требованиям Статьи 109 УПК, который применялся в деле заявителя по постановлению Конституционного суда от 4 апреля 2006 года. Период заключения под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции для лиц, обвиняемых в совершении тяжких преступлений, не может превышать двенадцати месяцев. Срок содержания заявителя под стражей до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции длился десять месяцев. Срок заключения заявителя под стражей, хотя и не указанный в решении Городского суда от 28 декабря 2007 года, был установлен Статьей 62 Минской конвенции и Статьей 109 УПК. Следовательно, по утверждению Властей, заявитель мог быть заключен под стражу на сорок дней до получения требования о его выдаче и на срок до двенадцати месяцев до завершения судебного разбирательства по требованию о его выдаче. Заявитель воспользовался правом на процедуру, позволяющую ему оспорить правомерность его заключения под стражу.

2. Заявитель

112. Заявитель утверждал, что его заключение под стражу было неправомерным, так как срок заключения не был продлен внутригосударственными судами. Он также выставил свои требования по Статье 5 §§ 2 и 4.

В. Оценка суда

1. Приемлемость

(а) Статья 5 § 2 Конвенции

113. Суд обратил внимание на аргумент Властей о неисчерпании прав в отношении жалобы заявителя по Статье 5 § 2 Конвенции. Однако суд не считает необходимым рассматривать этот вопрос по следующей причине.

114. Суд повторяет, что Статья 5 § 2 Конвенции содержит элементарное средство защиты, заключающееся в том, что задержанное лицо должно знать причину лишения его свободы. Данное положение является неотъемлемой частью схемы защиты, предусмотренной Статьей 5: в силу параграфа 2 любому задержанному лицу следует сообщить на простом, не профессиональном языке, который он способен понять, что если он считает уместным, он может обратиться в суд, чтобы оспорить правомерность задержания в соответствии с параграфом 4. В то время как данная информация должна быть доведена до сведения незамедлительно, это не относится к полноте информации, сообщаемой сотрудником, осуществляющим задержание, именно в момент ареста. Содержание и оперативность предоставления информации должны оцениваться в каждом деле в соответствии с его особенностями (смотри *Фокс, Кэмпбелл и Хартли против Великобритании*, 30 августа 1990 года, § 40, Серия А № 182).

115. Далее суд напоминает, что в случае задержания лица по подозрению в совершении преступления, Статья 5 § 2 не требует, чтобы необходимая информация была предоставлена в определенной форме или, чтобы она включала полный список обвинений,

предъявляемых задержанным лицам (смотри *Бордовский против России*, №49491/99, § 56, 8 февраля 2005 года). В то время как недостаточность информации об обвинениях, предъявляемых задержанному лицу, может иметь отношение к праву на справедливое судебное разбирательство согласно Статье 6 Конвенции для лиц, задержанных в соответствии со Статьей 5 § 1 (с), данный принцип не применим к задержанию с целью экстрадиции, так как такие судебные разбирательства не связаны с определением обвинения в уголовном преступлении (смотри *К. против Бельгии*, №10819/84, Решение комиссии от 5 июля 1984 года, Решения и доклады (DR) 38, стр. 230).

116. В связи с этим суд отмечает, что, как следует из письменного заявления, подписанного заявителем, в день его задержания он изучил, по меньшей мере, несколько следственных документов, касающихся уголовного дела, возбужденного против него в Таджикистане, и заявил, что он не совершал преступлений, в которых обвинялся (смотри параграф 33 выше). При таких обстоятельствах Суд считает, что информации, предоставленной заявителю российскими органами власти, было достаточно, чтобы выполнить их обязательство по Статье 5 § 2 Конвенции (смотри *Эминбейли против России*, № 42443/02, § 57, 26 февраля 2009 года, и *Бордовский*, приведено выше, § 57).

117. Из этого следует, что данная часть заявления является недостаточно обоснованной по определению Статьи 35 § 3 Конвенции и подлежит отклонению согласно Статье 35 § 4.

(b) Статья 5 §§ 1 и 4 Конвенции

118. Что касается аргумента Властей о неисчерпани средств правовой защиты, суд считает, что вопрос исчерпания внутригосударственных средств правовой защиты тесно связан с существом жалобы заявителя по Статье 5 § 4 Конвенции и находит необходимым связать возражение Властей с существом заявления.

119. Далее Суд отмечает, что исковые требования в соответствии со Статьей 3 Конвенции не являются недостаточно обоснованными по определению Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд также отмечает, что нет других оснований считать их неприемлемыми. Таким образом, Суд объявил исковые требования приемлемыми.

2. Существо

(a) Статья 5 § 4 Конвенции

120. Первоначально суд рассмотрел жалобу заявителя по Статье 5 § 4 Конвенции.

121. Суд напоминает, что цель Статьи 5 § 4 – обеспечить задержанных и заключенных под стражу лиц правом на судебный надзор за правомерностью мер, применяемых в отношении них (смотри, с внесенными изменениями, *Де Вилде, Оомс и Версип против Бельгии*, 18 июня 1971 года, § 76, Серия А № 12). Средство правовой защиты должно быть предоставлено во время заключения лица под стражу, что позволит лицу добиться безотлагательного пересмотра правомерности задержания судом. Такой пересмотр может, если это целесообразно, привести в результате к освобождению из-под стражи. Наличие средства правовой защиты, предусмотренного Статьей 5 § 4, должно быть бесспорным. Его отсутствие ведет к недостатку доступности и эффективности, необходимых для целей данного положения (смотри *Талат Тепе против Турции*, № 31247/96, § 72, 21 декабря 2004 года).

122. Вначале суд отмечает, что Власти не предоставили подробную информацию о средствах, доступных для оспаривания правомерности заключения заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции, а лишь сослались на возможность подачи жалобы прокурору или суду. Они также утверждали, что заявитель мог подать апелляционную жалобу по решениям от 30 ноября и 28 декабря 2007 года.

123. Суд отмечает, что оба решения от 30 ноября и 28 декабря 2007 года назывались «Решения об избрании заключения под стражу в качестве меры пресечения» и ссылались на Статью 108 УПК как на законное основание. Также указывалось, что решения могут быть обжалованы в Московский областной суд в течение трех дней после их вынесения (смотри параграфы 34 и 36 выше).

124. Суд полностью согласен, что Статья 108 § 11 УПК предоставляла заявителю возможность обжаловать первоначальное решение о его заключении под стражу, а именно, решение от 30 ноября 2007 года. Однако Власти не объяснили тот факт, что в решении от 28 декабря 2007 года срок заключения заявителя под стражу продлен не был, но снова была разрешена мера пресечения, несмотря на тот факт, что решение от 30 ноября 2007 года отменено не было, а мера пресечения, применяемая к заявителю, не менялась. Суд отмечает, что внутригосударственное право продолжало безмолвствовать в отношении возможных средств обжалования второго последующего решения о заключении под стражу, и считает, что при таких обстоятельствах от заявителя нельзя было требовать обжалования решения от 28 декабря 2007 года.

125. В любом случае, если допустить, что заявитель все-таки не использовал доступные внутригосударственные средства правовой защиты в отношении решений от 30 ноября и 28 декабря 2007 года, суд отмечает, что стороны не расходятся во мнении, что заявитель провел в месте содержания под стражей более десяти месяцев в ожидании завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции. Суд считает, что в течение этого периода времени могли возникнуть новые вопросы, влияющие на правомерность заключения под стражу, и соответственно в силу Статьи 5 § 4 он имел право обратиться в «суд», имеющий юрисдикцию для «безотлагательного» рассмотрения, является ли его лишение свободы «неправомерным» в свете новых факторов, возникших после принятия решения о его первоначальном заключении под стражу (смотри *Исмойлов и другие против России*, № 2947/06, § 146, 24 апреля 2008 года).

126. Власти лишь заявили, что заявитель мог обратиться в суд или к прокурору для пересмотра правомерности его заключения под стражу, не ссылаясь на конкретные положения внутригосударственного права. В связи с этим Суд напоминает, что Власти, заявляющие Суду о неисчерпании прав, несут ответственность за то, чтобы эффективное средство правовой защиты было доступным, как на теории, так и на практике в соответствующее время. Другими словами, чтобы оно было доступным, предусматривало возмещение в отношении жалоб заявителя и предлагало разумную вероятность успеха (смотри *Селмоуни против Франции* [GC], №25803/94, § 76, ECHR 1999-V, и *Мифсуд против Франции* (решение), № 57220/00, § 15, ECHR 2002-VIII). Далее Суд напоминает, что внутригосударственные средства правовой защиты должны быть «эффективными» в смысле предотвращения заявленного нарушения или его возобновления или предоставления соответствующего возмещения за любое нарушение, которое уже произошло (смотри *Кудла против Польши* [GC], №30210/96, § 158, ECHR-XI).

127. В любом случае, не принимая во внимание вопрос, указали ли Власти, какой конкретный тип жалобы прокурору или суду мог предполагать превентивное или компенсационное возмещение за заявленные нарушения Статьи 5 Конвенции, Суд подчеркивает, что он уже не один раз приходил к заключению, что положения Статей 108 и 109 УПК не позволяли задержанным с целью выдачи возбудить дело для рассмотрения правомерности заключения под стражу при отсутствии требования прокурора о продлении срока применения меры заключения под стражу (смотри *Насруллоев против России*, № 656/06, § 88, 11 октября 2007 года, *Исмойлов и другие*, приведено выше, § 151, и *Муминов*, приведено выше, § 114). Более того, Суд сомневается, что положения Главы 16 УПК о возможности «сторон уголовного судопроизводства» обжаловать решения, принятые в ходе предварительного расследования, прокурору (Статья 124 УПК) или в суде (Статья 125 УПК) могли применяться в деле заявителя, так как нет данных, указывающих на то, что он был стороной уголовного судопроизводства в значении, придаваемом этой фразе российскими судами (смотри *Муминов*, приведено выше, § 115).

128. При таких обстоятельствах Суд не удовлетворен тем, что положения внутригосударственного права обеспечивали право заявителя начать судебное дело для рассмотрения судом правомерности его заключения под стражу.

129. Соответственно, Суд приходит к заключению, что Власти не указали на то, что применимые средства правовой защиты были доступны как на теории, так и на практике, и соответственно, что таким средствам правовой защиты недостает требуемой доступности и эффективности (смотри *А. и Е. Риис против Норвегии*, № 9042/04, § 41, 31 мая 2007 года, и *Вернилло против Франции*, 20 февраля 1991 года, § 27, Серия А № 198). Возражение Властей в отношении неисчерпания прав на средства правовой защиты, таким образом, должно быть отклонено.

130. Из этого следует, что в течение срока заключения заявителя под стражу до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции он не имел доступа к какой-либо процедуре для судебного пересмотра его правомерности. При таких обстоятельствах Суд не считает нужным отдельно рассматривать дополнительный аргумент заявителя, касающийся недостатка доступа к услугам адвоката в течение первых двух недель заключения под стражей.

131. Таким образом, имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции.

(b) Статья 5 § 1 Конвенции

132. Статья 5 предусматривает фундаментальное право человека, а именно, право на защиту от произвольного вмешательства Государства в его или ее право на свободу (смотри *Аксой против Турции*, 18 декабря 1996 года, § 76, *Доклады 1996-VI*). Из текста Статьи 5 ясно, что гарантии, которые она содержит, применяются к «каждому» (смотри *А. И другие против Великобритании* [GC], № 3455/05, § 162, ECHR 2009-...). Подпараграфы (a) - (f) Статьи 5 § 1 содержат исчерпывающий перечень допустимых оснований, по которым лица могут быть лишены свободы, и никакое лишение свободы не является правомерным, если оно не подкреплено одним из таких оснований (смотри *А. и другие*, приведено выше, § 163).

133. Стороны сходятся во мнении, что заявитель был заключен под стражу, как лицо, «против которого было возбуждено судопроизводство с целью ... экстрадиции», и что заключение под стражу попадало под действие Статьи 5 § 1 (f). Однако стороны

разошлись во мнении, было ли такое заключение под стражу «правомерным» в смысле Статьи 5 § 1 Конвенции.

134. Что касается того, является ли «правомерность» заключения под стражу предметом спора, включая вопрос, «соблюден ли был порядок, предусмотренный законом», Конвенция, главным образом, ссылается на внутригосударственное право и налагает обязательство соблюдать его материально-правовые и процессуальные нормы. Однако соблюдения внутригосударственного права недостаточно: Статья 5 § 1, кроме этого, требует, чтобы любое лишение свободы соответствовало цели защитить лицо от произвола (смотри *Эркало против Нидерландов*, 2 сентября 1998 года, § 52, Доклады 1998-VI, и *Стил и другие против Великобритании*, 23 сентября 1998 года, § 54, Доклады 1998-VII).

135. Хотя внутригосударственные органы власти, особенно суды, в первую очередь, обязаны интерпретировать и применять внутригосударственное право, согласно Статье 5 § 1, несоблюдение внутригосударственного права влечет за собой нарушение Конвенции, и Суд может и обязан, таким образом, пересмотреть, было ли соблюдено такое право (смотри *Бенхам против Великобритании*, 10 июня 1996 года, § 41, Доклады 1996-III, *Йекиус против Литвы*, №34578/97, § 68, ECHR 2000-IX, и *Ладент против Польши*, №11036/03, § 47, ECHR 2008-... (извлечения)).

136. Принимая во внимание обстоятельства настоящего дела, Суд отмечает, что требование о выдаче заявителя сопровождалось орденом на арест, выданным таджикским следователем, а не решением таджикского суда. Первоначальное заключение заявителя под стражу 30 ноября 2007 года было совершено по решению российского суда согласно Статье 108 УПК и положениям Минской конвенции, регулирующим меры заключения под стражу.

137. Суд принимает во внимание заявление Властей о том, что заключение заявителя под стражу регулировалось Статьей 62 § 1 Минской конвенции, и отмечает, что данное положение разрешает заключение под стражу до получения официального требования о выдаче от запрашивающего государства сроком на сорок дней (смотри параграф 71 выше). Период времени с момента задержания заявителя до даты выдачи Таджикистаном требования о выдаче составляет двадцать четыре дня. При таких обстоятельствах Суд не имеет оснований считать, что заключение заявителя под стражу до получения официального требования о выдаче от таджикских органов власти, а именно, с 27 ноября до 21 декабря 2007 года, было «неправомерным» лишь из-за отсутствия официального требования о выдаче.

138. Однако возникает спорный вопрос, было ли судебное решение о заключении заявителя под стражу, вынесенное Городским судом 30 ноября 2007 года, достаточным для заключения заявителя под стражу на какой бы то ни было срок, независимо от его продолжительности, пока не было вынесено решение по требованию о его выдаче, или подлежало ли заключение под стражу периодическому пересмотру (смотри *Насруллоев против России*, № 656/06, § 73, 11 октября 2007 года).

139. По заявлению Властей, срок заключения заявителя под стражу регулировался Статьей 109 УПК, которая разрешает заключение под стражу сроком до двенадцати месяцев в случае тяжких преступлений. В то же время Суд отмечает, что для того, чтобы заключение под стражу можно было считать «правомерным» в соответствии со Статьей

109 § 2 УПК, заключение под стражу, превышающее два месяца, требует судебного решения (смотри параграф 56 выше).

140. По словам Властей, заключение заявителя под стражу было признано законным Городским судом согласно Статье 108 УПК 30 ноября 2007 года, а затем 28 декабря 2007 года (смотри параграфы 34 и 36 выше). Суду непонятен тот факт, что один и тот же суд избрал одну и ту же меру пресечения в отношении заявителя два раза в течение двадцати восьми дней, хотя заявителя не освобождали из-под стражи в течение этого периода времени. Тем не менее, даже допуская, что 28 декабря 2007 года Городской суд ошибочно сослался на Статью 108 УПК, обуславливающую первоначальное заключение под стражу, но не продление его срока, и фактически продлил срок заключения заявителя под стражей до того, как он превысил два месяца в соответствии с требованием Статьи 109 § 2 УПК, впоследствии судебного решения о продлении срока заключения под стражу не выносилось.

141. При отсутствии решения любого внутригосударственного суда о продлении срока заключения заявителя под стражу, Суд обязан прийти к заключению, что после 29 мая 2008 года, а именно, по истечении шести месяцев с момента его заключения под стражу, заявитель находился под стражей в нарушение положений Статьи 109 § 2 УПК. Таким образом, Суд приходит к заключению, что содержание заявителя под стражей до завершения судебного разбирательства по вопросу экстрадиции нельзя считать «правомерным» для целей Статьи 5 § 1 Конвенции.

142. Таким образом, имело место нарушения Статьи 5 § 1 Конвенции.

III. ЗАЯВЛЕННОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 6 § 1 КОНВЕНЦИИ

143. Заявитель утверждал, уголовное судопроизводство, возбужденное против него в Таджикистане, будет несправедливым и что в результате выдачи он понесет риск очевидного отказа в правосудии. Он основывался на Статье 6 Конвенции, соответствующие части которой предусматривают, что:

«1. Каждый в случае спора ... при предъявлении ему любого уголовного обвинения имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом, ...»

144. Власти отклонили аргумент.

145. Жалоба заявителя осталась в силе.

А. Приемлемость

146. Суд отмечает, что данная жалоба не является недостаточно обоснованной по определению Статьи 35 § 3 Конвенции. Суд считает, что нет других оснований считать ее неприемлемой и, следовательно, признает ее приемлемость.

В. Существо

147. Суд ссылается на свое умозаключение, что выдача заявителя Таджикистану повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции (смотри параграф 105 выше). Не имея оснований сомневаться, что Государство-ответчик выполнит настоящее постановление суда, суд считает, что нет необходимости рассматривать гипотетический вопрос, будет ли

нарушена также Статья 6 § 1 Конвенции в случае выдачи заявителя Таджикистану (смотри *Саади*, приведено выше, § 160).

IV. ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ СТАТЬИ 13 КОНВЕНЦИИ

148. Заявитель утверждал, что ему не было предоставлено никаких эффективных средств правовой защиты в отношении его жалоб по Статьям 3 и 5 Конвенции в нарушение Статьи 13 Конвенции, которая гласит следующее:

«Каждый, чьи права и свободы, признанные в настоящей Конвенции, нарушены, имеет право на эффективное средство правовой защиты в государственном органе, даже если это нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

149. Власти оспорили утверждения заявителя и заявили, что у него были эффективные средства правовой защиты по отношению к его жалобам.

150. Жалоба заявителя осталась в силе.

151. Что касается жалобы об отсутствии эффективных средств защиты в отношении риска жестокого обращения, что заявитель сбежал бы в Таджикистан, Суд отмечает, что жалоба заявителя по данной Статье уже была рассмотрена в контексте Статьи 3 Конвенции. Ссылаясь на вышеприведенные умозаключения (смотри параграф 104 выше), Суд считает, что, если жалоба по Статье 13, рассматриваемая в контексте Статьи 3, является приемлемой, нет необходимости отдельно рассматривать данную жалобу по существу (смотри, *с внесенными изменениями, Шайпова и другие против России*, №10796/04, § 124, 6 ноября 2008 года, и *Макарациз против Греции* [GC], № 50385/99, §§ 84-86, ECHR 2004-XI).

152. Что касается жалобы по Статье 13, рассматриваемой в контексте Статьи 5 Конвенции, Суд напоминает, что в соответствии с его прецедентным правом, более конкретные гарантии Статьи 5 §§ 4 и 5, являющейся специальным законом в отношении Статьи 13, включают его требования. Учитывая вышеприведенное заключение о нарушении Статьи 5 § 4 Конвенции, Суд считает, что отдельного вопроса по Статье 13 в контексте Статьи 5 Конвенции не возникает.

V. ПРОЧИЕ ЗАЯВЛЕННЫЕ НАРУШЕНИЯ КОНВЕНЦИИ

153. Основываясь на Статье 6 § 2 Конвенции, заявитель утверждал, что в решении от 4 июня 2008 года Заместитель генерального прокурора России постановил в качестве утверждения, что заявитель совершил преступления, за которые любой суд признает его виновным.

154. Основываясь на имеющихся материалах и действуя в пределах своей компетенции, Суд установил, что в утверждениях заявителя не указаны какие-либо нарушения прав и свобод, предусмотренных Конвенцией или Протоколами. Из этого следует, что данная часть заявления должна быть отклонена как недостаточно обоснованная согласно 35 §§ 3 и 4 Конвенции.

VI. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

155. Статья 41 Конвенции предусматривает, что:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

А. Ущерб

156. Заявитель потребовал выплаты 15000 евро в качестве возмещения морального ущерба.

157. Власти считают заявленную сумму превышающей нормы.

158. Суд отмечает, что в настоящем деле установлен ряд нарушений и признает, что заявителю был нанесен моральный ущерб, который не может быть возмещен лишь установлением факта нарушений. Таким образом, Суд считает уместным присудить ему в качестве компенсации 15000 евро.

В. Пени

159. Суд считает уместным, что сумма пеней по выплате компенсации должна быть установлена в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального банка, плюс 3%.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Решил* приписать к существу дела возражение Властей о неисчерпании внутренних средств правовой защиты в отношении жалоб заявителя по Статье 5 Конвенции и отклонил его;
2. *Объявил* жалобы по Статьям 3, 5 §§ 1 и 4, 6 § 1 и 13 приемлемыми, а остальную часть заявления неприемлемой;
3. *Постановил*, что приведение в действие распоряжения о выдаче заявителя Таджикистану повлечет за собой нарушение Статьи 3 Конвенции;
4. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 5 § 4 Конвенции;
5. *Постановил*, что имело место нарушение Статьи 5 § 1 Конвенции;
6. *Постановил*, что нет необходимости рассматривать вопрос, повлечет ли за собой выдача заявителя Таджикистану также нарушение Статьи 6 § 1 Конвенции;
7. *Постановил*, что отдельных вопросов по Статье 13 Конвенции в отношении заявленных нарушений Статьи 3 и 5 Конвенции не возникает;
8. *Постановил*
 - (а) что Государство-ответчик обязано выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда судебное решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, в качестве возмещения морального ущерба, 15000 евро (пятнадцать тысяч

евро), плюс сумму любых взимаемых налогов, подлежащие переводу в Российские рубли по курсу, действующему на дату платежа;

(b) что с момента истечения вышеупомянутых трех месяцев до момента платежа выплачивается простой процент от вышеупомянутой суммы в размере предельной годовой процентной ставки по займам Европейского Центрального Банка в течение срока неуплаты, плюс 3%.

Совершено на английском языке, и уведомление о судебном решении направлено в письменной форме 12 мая 2010 года в соответствии с Правилom 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Серен Нильсен
Секретарь

Христос Розакис
Председатель